

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.2>

UDC 811.163.1
LBC 81.416.1

Submitted: 04.09.2017
Accepted: 01.11.2017

**PARADOXES OF ATTRIBUTION IN THE GRAMMARS
OF CHURCH SLAVONIC LANGUAGE
OF THE 17TH - BEGINNING OF THE 18TH CENTURY**

Natalya N. Zapolskaya

Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents scientific interpretation of incorrect grammatical attribution, that was revealed in the grammatical analysis of the Lord's prayer "О́че нашъ" being incorporated into grammar manuals of the Church Slavonic language of the 17th – beg. the 18th century. The author collected and systematized samples of misinterpretation by the scribes such grammatical categories as the case, gender, number of nouns, adjectives and pronouns, the person of verbs, word reference to a particular part of speech. The "negative" metalinguistic material is considered in the article as an act of metalinguistic activity: *presentational metalinguistic activity* is aimed at specifying presentational knowledge, and realized in metalinguistic patterns, *representational metalinguistic activity*, is set to represent the knowledge in the form of an element-by-element attribution of texts to metalinguistic models. The study helped to give clear argumentation on the paradoxical attribution stated above; the author thinks that it can't be considered metalinguistic helplessness of the scribes, but it should be viewed as an activity aimed at solving a number of metalinguistic and language issues and tasks, including the choice of metalinguistic models, ways to explicate grammatical parameters, the range in differentiation of grammatical, word-building and lexical meanings, as well as considering the best ways of their realization within language means; the author also focuses on the problem of ideosemantic and ideofunctional loading of language elements in the grammatical context of the Church Slavonic language.

Key words: history of the literary language, Church Slavonic language, grammar book of the Church Slavonic language, metalinguistic reflection, metalinguistic activity, grammatical errors of attribution.

Citation. Zapolskaya N.N. Paradoxes of Attribution in the Grammars of Church Slavonic Language of the 17th - Beginning of the 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 4, pp. 41-49. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.2>

УДК 811.163.1
ББК 81.416.1

Дата поступления статьи: 04.09.2017
Дата принятия статьи: 01.11.2017

**ПАРАДОКСЫ АТРИБУЦИИ В ГРАММАТИКАХ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА**

Наталья Николаевна Запольская

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен анализ некорректной грамматической атрибуции, выявленной в грамматических разборах молитвы «О́че нашъ», которые были инкорпорированы в грамматики церковнославянского языка XVII – начала XVIII в. Автор статьи каталогизирует и интерпретирует примеры неверного определения книжниками падежа, рода, числа имен существительных, прилагательных и местоимений, лица глаголов, принадлежности слов к той или иной части речи. «Отрицательный» метаязыковой материал рассматривается в статье как факт метаязыковой деятельности: презентативная метаязыковая деятельность, задающая презентативное знание, заключается в построении метаязыковых моделей, а репрезентативная метаязыковая деятельность, задающая репрезентативное знание, заключается в поэлементной атрибуции текстов по метаязыковым моделям. Проведенное исследование показало, что парадоксальная атрибуция явилась не результатом метаязыковой беспомощности книжников, а результатом их метаязыковой рефлексии, направленной на решение ряда метаязыковых и языковых проблем. К числу таких проблем относятся: про-

блема выбора метаязыковой модели; проблема выбора способов экспликации грамматических параметров; проблема дифференциации грамматического значения, словообразовательного значения, лексического значения и проблема дифференциации средств их выражения; проблема идеосемантики и идеофункциональности и проблемы их экспликации.

Ключевые слова: история литературного языка, церковнославянский язык, грамматики церковнославянского языка, метаязыковая рефлексия, метаязыковая деятельность, ошибки грамматической атрибуции.

Цитирование. Запольская Н. Н. Парадоксы атрибуции в грамматиках церковнославянского языка XVII – начала XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 41–49. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.2>

Введение

«Языковое существование – процесс не только интуитивно-бессознательный... интуитивное движение языкового опыта неотделимо от языковой рефлексии» [Гаспаров, 1996, с. 17]. Содержанием собственно языковой рефлексии является объяснение языкового опыта, а содержанием метаязыковой рефлексии – и объяснение, и упорядочение языкового опыта. Рефлексивная метаязыковая трансформация осуществляется в метаязыковой деятельности, носящей презентативный и репрезентативный характер. Презентативная метаязыковая деятельность, задающая презентативное знание, заключается в построении метаязыковых моделей, а репрезентативная метаязыковая деятельность, задающая репрезентативное знание, заключается в поэлементной атрибуции текстов по метаязыковым моделям.

Граматики церковнославянского языка XVII – начала XVIII в. либо включали только метаязыковые модели, то есть демонстрировали и задавали презентативное знание языка, либо дополняли метаязыковые модели поэлементным грамматическим разбором императивных для конфессиональной культуры текстов, то есть демонстрировали и задавали как презентативное, так и репрезентативное знание языка. К такого рода полифункциональным метатекстам относились грамматические сочинения, явившиеся репликами на грамматику Лаврентия Зизания (*Грамматика словенска*, 1596 г. – далее ГЗ) и грамматику Мелетия Смотрицкого 1619 г. (*Грамматика Славенская правильное Сунтагма*, 1619 – далее ГС)¹: грамматика, изданная в 1648 г. Михаилом Роговым и Иваном Наседкой (*Грамматика*, 1648 – далее Г1648), грамматика, изданная в 1721 г. Федором Поликарповым (*Грамматика*, 1721 – далее Г1721), и его рукописный грамматический трактат 1725 г. (*Технологія, то есть*

художное советдованіе ѡ грамматическо художествѣ собранное вопросоотвѣтами по алфавітѣ числительно^м в пользу люботщательства отроческаго – далее Т). Объединяющей метаязыковой деятельностью, реализованной в этих грамматических сочинениях, явился грамматический разбор молитвы «*Оче нашъ*» сій стихъ, по ѡсмочастномъ разѡмъ росписанъ. Необходимость умения характеризовать языковые элементы по грамматическим параметрам, то есть необходимость именно репрезентативного знания как условия понимания любых текстов, прежде всего, библейских, обосновывалась книжниками ссылкой на авторитет Иоанна Дамаскина, которому славянская традиция приписывала авторство грамматической статьи «*О ѡсмнхъ частѣхъ слова*»:

– Грамматика 1648 г.: *Снѣце всѣ бжественнаго писанія, реченія и слова, и внѣшнихъ советдованій словеса, ѡже предано ѡ бга ѡмоу человекю, разсѣждати, и ѡзыкъ глаголати, частями сими ѡсмю разводи, и родами развирай, и виды оуказоуи, и числа разсказывай, и начертанія ѡбъѡвлай, и падежи оузнавай, и склоненія не забывай. и залоги и времена разсѣждай, и качества росписывай с люботрднымъ тщаніемъ, ѡже хощеши извѣстнѡ вѣдати ѡсмочастный разѡмъ. внѣ бо снхъ, ничтоже ѣсть, и немощнѡ слова изъяснити без снхъ, ѡкоже рече ѡваннѣ дамаскинѣ (л. 386) =*

– статья «*О ѡсмнхъ частѣхъ слова*»: «...кроме бо снхъ изъяснити ѡ нихъже слово немощно, сѣтъ же оубо слова частіи ѡсмь, ѣлика глѣмъ и пишемъ, и внѣ снхъ, ничтоже ѣсть» [Ягичъ, 1896, с. 47/335].

Однако проведенный современными лингвистами анализ грамматических разборов молитвы показал, что Рогов и Наседка «допустили многочисленные ошибки», наглядно

демонстрирующие отсутствие «умения пользоваться классификациями и рекомендациями издаваемой ими грамматики и применять ее правила при анализе конкретного языкового материала» [Кузьминова, 2007, с. 602], и что Поликарпов устранял ошибки московских книжников, но не во всех случаях [Бабаева, 2000, с. 19–20].

В корпус ошибок, допущенных московскими книжниками, входили:

– неверное определение падежа:

а) в предложно-падежных формах: «предлогу **во** приписывается сразу два (!) падежа, ни один из которых не совпадает с падежом существительного, – по сч^нн^нн^ню падежа **дательнагѡ ѿ сказательнагѡ**... с дательным падежом предлог **во** не употребляется вовсе», «дательный падеж ошибочно указан и для предлога **на** в форме **на небеси**, редакторы испытывают затруднения с определением падежа формы **небеси** и приводят два варианта – **падежа дательнагѡ, ѿли сказательнагѡ**, при том что в случае параллельной формы **на земли** колебаний не возникает и падеж существительного установлен верно, но предлогу приписана уже реализация трех падежей – **роднагѡ ѿ дательнагѡ ѿ сказательнагѡ**»;

б) в беспредложных формах: «как формы Им. охарактеризованы формы В. ед. **хдѣбѣ насочъщныи**», «формы Им. ед. **ѿма твое** признаются формами **падежа винновнагѡ**»;

– неверное определение рода: «в четырех случаях формы местоимения **нашѣ** признаются формами **рода всакагѡ**»;

– неверное определение числа: «число местоимения **нашѣ** определяется как множественное»;

– неверное определение лица: «глагольные формы **да свѣтитса, да прїдетъ, да бѣдетъ** отнесены ко второму лицу»;

– неверное определение части речи: «форма Дат. мн. **должникимѣ** трактуется московскими редакторами как имя прилагательное и в соответствии с этим получает помету **склоненїа пагагѡ**, в котором сгруппированы адъективные формы» [Кузьминова, 2007, с. 599–602].

Объяснительный, а не предложенный исследователями описательный, подход к «отрицательному» метаязыковому материалу позволяет уже за систематизацией этого материала увидеть:

а) характер ошибок (повторяемость свидетельствует о неслучайном их появлении);

б) сферы происхождения ошибок:

– метаязыковую сферу (ошибка как результат восприятия метаязыковой дефектности, а именно терминологической избыточности),

– языковую сферу (ошибка как результат восприятия грамматической дефектности, а именно формальной недостаточности, и ошибка как результат восприятия языковых значений);

в) метаязыковые и языковые проблемы, скрытые за ошибками:

– проблему выбора метаязыковой модели;

– проблему грамматической дефектности и проблему ее экспликации;

– проблему определения и различения грамматического значения, словообразовательного значения и лексического значения;

– проблему соотношения константных, собственно языковых значений, и переменных, мотивированных типом культуры значений, относящихся к сфере идеосемантики и идеофункциональности языковых элементов.

В статье предпринята попытка реконструкции механизма перехода от уровня презентативного знания к уровню репрезентативного знания, реконструкции сопутствующей этому переходу метаязыковой рефлексии книжников и тем самым попытка объяснения ошибок, то есть объяснения осуществленной книжниками парадоксальной грамматической атрибуции.

1. Проблема выбора метаязыковой модели

Проблема выбора метаязыковой модели, мотивированная метаязыковой избыточностью, проявилась при описании Роговым и Наседкой служебной части речи – предлогов. Указание позиции «предлога» в последовательности частей речи книжники давали либо по моделям, представленным в грамматической статье о частях речи и в грамматиках Зизания и Смотрицкого, то есть **часть шестѡа**, либо по модели, представленной в издаваемой ими грамматике, то есть **часть седмаа** (лл. 381, 382, 385). От выбора метаязыковой модели, а именно от состава падежей, зависело и определение сочетаемости предлогов с падежами.

Так, фиксация для предлога **на** в предложно-падежной форме **на небесѣхъ** сочетаемости со **сказательным** падежом демонстрировала следование грамматике Смотрицкого и издаваемой грамматике, а парадоксальное признание за предлогом **на** в предложно-падежной форме **на небеси** сочетаемости с **дательным** падежом могло быть мотивировано грамматикой Зизания, в которой **дательный** падеж включал формы не только дательного, но и предложного падежа, позже выделенного Смотрицким как **сказательный**: аргументом может служить и характеристика падежа имени существительного **небеси** как **падежа дательнагѡ, или (!) сказательнагѡ**. Парадоксальная формула сочетаемости предлога **во** при разборе предложно-падежной формы **во ѿскѣшеніе – по счиненію падежа дательнагѡ и сказательнагѡ** – могла быть и результатом терминологической контаминации моделей Зизания и Смотрицкого, и опечаткой (но не ошибкой!), мысленное исправление которой вводит в формулу требуемый **винительный** падеж. Следствием предположения о допущенной опечатке становится предположение об использовании книжниками двух способов экспликации сочетаемости предлогов: указание падежа, реализованного в тексте молитвы, и указание всех падежей, составляющих сочетаемость (табл. 1).

Если Рогов и Наседка допускали метаязыковую вариативность, то Поликарпов стремился к метаязыковой унификации: при указании позиции «предлога» в последовательности частей речи и при определении сочетаемости предлогов с падежами он следовал метаязыковой модели, заданной грамматикой Смотрицкого. Решая в грамматическом трактате проблему выбора способа экспликации сочетаемости предлогов, Поликарпов инкор-

пировал в грамматический разбор каждого предлога своеобразную грамматическую статью, содержащую все параметры рассматриваемого предлога: сочетаемость, значения, примеры употребления из других текстов:

на, коѣя части слова; шестыя части, сирѣчь предлога.

предлогъ, с которыми падежами сочиняется, с винительнымъ и сказательнымъ, ѿкъ: на небо ѡчи мои возвождъ, и живыи на небѣхъ посмѣется имъ. ѡво движеніе къ мѣстѣ, ѡво же стояніе на мѣстѣ ѿвѣщаетъ (Т, с. 263);

во, части предлога, сочиняется с падежемъ винительнымъ, и знаменуетъ къ мѣстѣ движеніе, егда же съ сказательнымъ, ѿвѣщаетъ на мѣстѣ (Т, с. 270).

2. Проблема грамматической дефектности и проблема ее экспликации

Проблема грамматической дефектности, а именно проблема формальной недостаточности, актуализировалась при характеристике книжниками форм, являвшихся носителями падежной омонимии. Вопрос лексической и грамматической омонимии в конфессиональной культуре имел особую важность, поскольку слова и формы в императивных текстах культуры, по которым создавалась жизнь верующих, должны были обладать ясностью. Соответственно, языковая рефлексия была направлена на снятие омонимии, что достигалось графической и/или грамматической дистрибуцией. При этом в сфере грамматики разные возможности снятия омонимии соотносились с разными видами оморфемности: так, в рамках именного словоизменения числовая омонимия снималась по преимуществу орфографическими средствами, а падежная омонимия – грамматическими средствами [Запольская, 2008]. Метаязыковая рефлексия

Таблица 1

ГЗ	Г 1648: грамматический разбор
на, съчиняетъ сѡ дательномѣ, и винѡмѣ. ѿко, на мнѣ. на васѣ (л. 79 об.) въ, съчиняетъ сѡ дательномѣ и винѡмѣ, ѿко, въ церкви, въ цркви (л. 79)	на /небеси/ – часть седмаа, по счиненію падежа дательнагѡ (л. 382 об.) во /ѿскѣшеніе/ – часть шестаа, предлогъ, по счиненію падежа дательнагѡ
ГС = Г1648	
Винительнагѡ и Сказательнагѡ: во, на (л. 192; л. 276 об.)	и сказательнагѡ (винѡнагѡ /винительнагѡ?) (л. 385) на /небесѣхъ/ – часть шестаа, предлогъ, по счиненію падежа сказательнагѡ (л. 381)

в сфере грамматики была направлена на объединение в парадигме или в комментариях к парадигме омонимичных позиций для лучшего запоминания семантически «опасных» зон, то есть на разработку определенной мнемотехники: например, в комментариях к парадигме сущ. м. р. на *t* указывалось, что **винительныи, ѿ творительныи /мн. ч./ на ы**; в комментариях к парадигме сущ. ж. р. на заднеязычные указывалось, что **ѿхже родителныи /ед. ч./, и винительныи множественныи на и** (Г1648, лл. 106, 96).

Грамматический разбор, осуществленный московскими книжниками, демонстрировал разные способы экспликации омонимичных падежных форм:

– *указание всех падежей, образующих зону омонимии в парадигме (в соответствии с нормами издаваемой грамматики)*

Грамматики кодифицировали как одинаковые, так и разные решения проблемы омонимии: например, у имен существительных женского и мужского рода на *t* или *t'* непарные и на *t'* парный в парадигме единственного числа Смотрицкий различал окончания в родительном падеже, что задавало разные омонимичные ряды: для имен женского рода нормативными признавались окончания **-а** и омонимичные ряды Им. = Род. (для имен на *t'* парный) и Дат. = Пред. (**Сказ.**), а для имен мужского рода – окончания **-и** и омонимичный ряд Род. = Дат. = Пред. (**Сказ.**). Московские

книжники устранили формальное различие имен существительных по роду в родительном падеже и тем самым изменили количество и состав омонимичных рядов: нормативными признавались окончания **-и** и омонимичный ряд Род. = Дат. = Пред. (**Сказ.**). Именно это нормативное решение московских книжников отразилось в разборе предложно-падежной формы **на земли**: был указан омонимичный ряд, состоящий из **падежа роднагв ѿ дательнагв ѿ сказа́тельнагв** (некорректность, вызванная, вероятно, опечаткой, заключалась лишь в том, что этот ряд приписывался предлогу, а не имени) (табл. 2).

Единство взглядов книжников проявилось в кодификации омонимии Дат. = Пред. (**Сказ.**) для имен существительных среднего рода с неравносложной основой; при этом в разборе предложно-падежной формы **на небеси** указание **падежа дательнагв, ѿи сказа́тельнагв** могло свидетельствовать и о соотношении схем грамматик Зизания и Смотрицкого (см. выше), и о падежной омонимии (табл. 3):

– *указание падежа, позиция которого задана в тексте молитвы:*

црѣтвіе – ... падежа прѣвагв (л. 382);

искѹшенїе – ... падежа виновнагв (л. 385 об.);

– *указание падежа, входящего в зону омонимии, но не заданного текстом молитвы.*

Парадоксальность атрибуции оказывается мнимой, если признать в этих примерах про-

Таблица 2

ГС // Г1648	Г1648: грамматический разбор
ГС: имена мужескаа, творѣтъ родителныи единственныи на и... женскаа на а... (Род. = Дат. = Пред.): ѿноши, ѿноши, ѿноши / мрежа, мрежи, мрежи (лл. 36–36 об.) //	
Г1648: ѿхже родныи единственныи на и (л. 98)... (Род. = Дат. = Пред.): ѿноши, ѿноши, ѿноши / мрежи, мрежи, мрежи (лл. 98, 99 об.)	на – ... падежа роднагв ѿ дательнагв ѿ сказа́тельнагв → земли – ... падежа сказа́тельнагв (л. 382 об.)

Таблица 3

ГС=Г1648	Г1648: грамматический разбор
Парадигмата среднѣх... дательныи, ѿ ска³, ѿди⁴, на и... (ГС, л. 51 об., Г1648, л. 114 об.)	на – ... падежа дательнагв → небеси – ... падежа дательнагв, ѿи сказа́тельнагв (л. 382 об.)

явление мнемотехнического приема освоения омонимии, в соответствии с которым выбор из омонимичных падежных форм является практически свободным, поскольку каждый член омонимичного ряда маркирует сам ряд [Вернер, 2013, с. 146–150]:

Им. = Вин. = Зв.: Вин. вместо Им.

ѣмѧ – ...падежа винѡвнагѡ (л. 381 об.);

твоѣ /ѣмѧ/ – ...падежа винѡвнагѡ (л. 381 об.);

Им. = Вин. = Зв.: Им. вместо Вин.

хлѣбѣ – ...падежа прѡвагѡ (л. 383);

насоущныи – падежа прѡвагѡ (л. 383);

Им. = Вин. = Зв.: Им. вместо Зв. и Вин.

нашѣ /ѡчѣ, хлѣбѣ/ – падежа прѡвагѡ (лл. 380 об., 383).

Поликарпов не фиксировал омонимию и указывал только падеж, позиция которого была задана текстом молитвы: распознавая конкретную форму в конкретном тексте, он тем самым изменял и способ, и содержание осуществленной Роговым и Наседкой грамматической атрибуции:

на небесѣхъ... на земли ... на небеси... – падежа сказателнагѡ (Г1721, л. 284, 286; Т, с. 264, с. 267);

ѣмя – ... падежа именителнагѡ (Г1721, л. 284; Т, с. 264);

твоѣ /ѣмя/ – ... падежа именителнагѡ (Г1721, л. 284; Т, с. 265);

хлѣбѣ – ... падежа винителнагѡ (Г1721, л. 286 об.; Т, с. 267);

насоущныи – ... падежа винителнагѡ (Г1721, л. 277; Т, с. 268).

Исправляя падеж местоимения **нашѣ**, согласованного с существительным **ѡчѣ**, Поликарпов счел необходимым объяснить алгоритм грамматической связи главного и зависимого слова, что позволило ему ограничиться в дальнейшем при грамматическом разборе местоимений пометой **ѡ сѣмѣ выше речѣся**:

нашѣ /ѡчѣ/ – падежа звѡтелнагѡ, понѣже сопряжено ѣсть со прѡидѡщимъ ѣменемъ ѡчѣ (Г1721, л. 266 об.; Т, с. 259).

3. Проблема определения и различения грамматического значения, словообразовательного значения, лексического значения

Проблема определения грамматического значения и проблема дифференциации грамма-

тического значения и словообразовательного значения обнаружались при установлении книжниками принадлежности слов к части речи как к грамматическому классу.

Различие точек зрения книжников на частеречную принадлежность проявилось в грамматическом разборе слова **насоущныи**.

Рогов и Наседка сочли слово **насоущныи** причастием, приняв субморф **-оущ** за морф, то есть за суффикс действительных причастий, являющийся средством выражения настоящего времени:

насоущныи – часть четвертаѧ, причѡстїе... (л. 383).

Поликарпов открыто не согласился с редакторами Грамматики 1648 г. и счел правильным признание слова **насоущныи** именем прилагательным, поскольку у него нет форм прошедшего и будущего времени, то есть не реализуется грамматическая категория времени; дополнительным аргументом для него явилось грамматическое тождество форм в церковнославянском, греческом и латинском языках:

насоущныи – по славѣнской граммѡтїцѣ ѡще глаголется и причѡстїе, но понѣже, послѣдѡющихъ времѣнъ прѣшѣдшагѡ ѡ вѣдѡщагѡ не производитъ, ѡво не можѣтъ рѣци, набывшїи ѡли набѣдѡщїи, ѡкоже чѣдѡщїи, чѣтшїи, прочѣдѡщїи, сѣгѡ рѡди лѣчше нарецися можѣтъ ѣмя прилагателное, ѡкоже ѡ в грѣческомъ тѣѣтѣ лежитъ ѡ в лѡтїнскомъ quotidianus. сирѣчь насѡщныи, насѡщная, насѡщное (Г1721, л. 277; Т, с. 267–268).

Единство мнений книжников наблюдалось как раз в парадоксальной атрибуции, а именно в трактовке слова **должникъ** как имени прилагательного, демонстрирующей сложность для книжников различения грамматического и словообразовательного значений и различение средств выражения этих значений. При этом Рогов и Наседка только фиксировали частеречную принадлежность, а Поликарпов дал развернутое обоснование, доминантой которого явилось словообразовательное значение. По мнению Поликарпова, слово **должникъ** образовано от слова **долгъ**, следовательно, является отыменным прилагательным, однако, поскольку оно обладает только «формами» мужского (**должникъ**) и

женского рода (должница), то есть флексиями -ъ, -а, целесообразнее склонять его не по адъективному склонению, а по субстантивному, признав при этом за словом должникъ возможной отнесенность и ко всякому роду (должникъ как юродъ):

должникомъ – часть первая, имя прилагательное, рода мужескагв, вида производнагв, числа множественнагв, начертаніа простагв, падежа дательнагв, склоненіа пятагв (Г1648, л. 383) =

должникомъ – имя прилагательное, рода мужескагв, (можетъ же нарецися и всякагв), вида производнагв, именное, Ѡ долга во должникъ глется, числа множественнагв, начертаніа простагв, падежа дательнагв, склоненіа пятагв, приличіе же вторагв, іако той, тая, тое, юродъ, іако не можетъ трероднѡ скланятися, іако благіи, благая, благое, іако стъ, стѡ, стѡ. Аще женска рода за дѡбычай и глаголется должница, но к среднему родѡ приложитися не можетъ (Т, с. 270).

Проблема соотношения грамматического значения и лексического значения проявилась при определении рода и числа форм местоимения нашъ. Расхождение лингвистических взглядов обнаружилось при характеристике рода: Рогов и Наседка квалифицировали род во всех формах местоимения нашъ как всакий, исходя, вероятно, из семантического тождества притяжательного прилагательного нашъ и личного местоимения мы; Поликарпов же определил род как мужской, то есть зависимый от рода существительного:

нашъ /оце/ – ... рода всакагв; нашѡ /долги/ – рода всакагв, нашимъ /должникомъ/ – ... рода всакагв (Г1648, л. 382 об.–384) //

нашъ – ... рода мужескагв (Г1721, л. 266 об.; Т, с. 259).

Совпадение взглядов возникло при характеристике числа: все книжники парадоксальным образом определили число формы нашъ как множественное. Рогов и Наседка только зафиксировали парадоксальную атрибуцию, а Поликарпов дал объяснение, исходя из лексического значения местоимения нашъ:

нашъ /оце, хлѡвъ/ – ... числа множественнагв (Г1648, 380 об.);

нашъ – числа множественнагв, понеже многихъ лицъ вещь притяжаннѡ являетъ (Т, с. 259).

4. Проблема идеосемантики и идеофункциональности, проблема их экспликации

Императивы культуры предписывают отдельным языковым элементам особую семантику или особый характер употребления: в пространстве христианской культуры идеосемантика и идеофункциональность явились результатом наложения на лексические и грамматические значения сакральных смыслов, посредством чего происходило «языковое моделирование культурных ценностей» [Топоров, 1995, с. 432]. Соответственно, и языковая, и метаязыковая рефлексия были направлены на трансляцию идеосемантики и идеофункциональности слов и форм. Средством выражения идеосемантики и идеофункциональности на уровне языка являлись несоответствующие норме или системе языковые элементы, то есть не книжные формы или аграмматизмы, а на уровне метаязыка – несоответствующая метаязыковым моделям атрибуция языковых элементов [Запольская, 2007, с. 137–150; 2008, с. 214–218; 2013, с. 5–30].

В представленном Роговым и Наседкой грамматическом разборе молитвы «Оце нашъ» парадоксальная атрибуция числа как числа множественнагв у местоимения нашъ могла не только основываться на лексическом значении, но и выражать идеосемантическую нагруженность. Согласно богословскому толкованию Иисус, передавая ученикам общую молитву, вкладывал особый смысл именно в слово нашъ, обладающее значением «множество лиц и я, то есть мы»: верующие – это «мы», поскольку «усыновлены одному и тому же Богу», следовательно, «братья друг другу, которые должны молиться и просить Бога от лица многих». Идеосемантически осложненная парадоксальная грамматическая атрибуция числа у местоимения нашъ являлась, по сути, своеобразной репликой на интерпретацию этого местоимения в грамматике Зизания, в составленном им на основе сочинений Феофилакта Болгарского и Иоанна Златоуста богословском толковании молитвы:

Толкование молитвы которой научилъ гь
 ꙗко хъ оученикъвъ своихъ. Съставлено, Л.З.

...кгда мовимъ нашъ тое значиѣ ѡжъ
 ѡсмъ всѣ братѣ. Прото не ѡ самомъ толкъ
 собѣ пристонтъ молитисѣ боу и старатисѣ
 але и ѡ братѣхъ... всѣ маемъ едиѣ заронъ и
 то же титлѣ и шлахѣство нѣное... пристонѣ
 тѣды ѡбы едины на дрѣгнѣ не поносилѣ: а
 нѣ ѡ собѣ боше розѣмѣли, та крѣолеве ѡкъ
 и пѣве на поарѣчныѣ своихъ. та богатыи
 на ѡбогнѣ, ѡкъ тыж и мѣдрѣи и ѡченѣи в
 писмѣ на простакѣ (ГЗ, л. 90 об.).

Идеофункциональностью, то есть при-
 крепленностью к определенному типу дис-
 курса можно объяснить представленную Рого-
 вым и Наседкой парадоксальную атрибуцию
 глагольных форм *да свѣтитсѣ, да прѣидетъ,*
да боудетъ как форм лица втораго (лл. 381,
 381 об., 382). Согласно богословскому толко-
 ванию, в молитве «*Оче нашъ*» исповедание
 веры дается как обращение-просьба, что
 объясняет формулу *просимъ*, посредством
 которой вводится интерпретация каждого
 стиха молитвы в составленном Зизанием тол-
 ковании. В свою очередь, ситуация обращения
 к Богу, согласно богословскому пониманию,
 мотивирует рассмотрение всех глагольных
 форм как «молительных», то есть как форм
 2 лица не в грамматических, а в «символико-
 риторических» параметрах [Гаспаров, 2003,
 с. 223].

Поликарпов, как человек эпохи перехода
 от конфессиональной культуры к секулярной,
 полагал, что *душѣ спасаетъ не ѡзыкѣ, а*
вѣра, и поэтому характеризовал глаголь-
 ные формы *да свѣтитсѣ, да прѣидетъ, да*
боудетъ, исходя только из грамматики текста,
 как формы лица третѣяго (Г1721, лл. 274,
 274 об., 275; Т, с. 264–266).

Таким образом, проведенное исследова-
 ние «отрицательного» метаязыкового матери-
 ала позволяет не согласиться с традиционны
 мнением о метаязыковой беспомощности
 славянских книжников и показывает, что для
 различения «правильного» и «ошибочного» в
 метаязыке, как и в языке, необходим не опи-
 сательный, а объяснительный подход [Фрей,
 2006], выявляющий причины и цели атрибу-
 ции и употребления языковых элементов в
 текстах и метатекстах с учетом культурно-
 исторического контекста.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Изд.: Грамматики Лаврентия Зизания и Ме-
 летия Смотрицкого, 2000. М.: Изд-во МГУ. 528 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабаева Е., 2000. Поликарпов Федор. *Технологія.*
 Искусство грамматики / Изд. и исслед. Е. Ба-
 баевой. СПб.: Инапресс. 374 с.
- Вернер И. В., 2013. Омонимия падежей как ди-
 дактический и эвристический принцип в
 церковнославянской грамматике XV–XVII вв.
 // Лингвистическая эпистемология: история
 и современность / XV Международный съезд
 славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.).
 Минск: ПринтЛайн. С. 129–152.
- Гаспаров Б. М., 1996. Язык, память, образ. Лингви-
 стика языкового существования. М.: «Новое
 литературное обозрение». 352 с.
- Гаспаров Б. М., 2003. Наблюдения над употребле-
 нием перфекта в древнецерковнославянских
 текстах (К вопросу о природе грамматиче-
 ского значения) // Русский язык в научном
 освещении. № 1 (5). С. 215–242.
- Запольская Н. Н., 2007. Рефлексия над именами
 собственными в пространстве и времени
 культуры // Имя: семантическая аура / отв.
 ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянских
 культур. С. 133–150.
- Запольская Н. Н., 2008. Грамматика и субграм-
 матика славянских литературных языков
 (XVI–XVIII вв.): теория и история норм
 // XIV Международный съезд славистов
 (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Славянское
 языкознание. Доклады российской делега-
 ции. М.: Индрик. С. 199–224.
- Запольская Н. Н., 2013. Церковнославянский язык
 в христианской эпистеме // Лингвистическая
 эпистемология: история и современность
 / XV Международный съезд славистов
 (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Минск:
 ПринтЛайн. С. 5–30.
- Кузьминова Е. А., 2007. Грамматика 1648 г. / пре-
 дисл., науч. коммент., подг. текста и сост.
 указателей Е. А. Кузьминовой. М.: МАКС
 Пресс. 624 с.
- Топоров В. Н., 1995. Святость и святые в русской
 духовной культуре: в 2 т. Т 1. Первый век
 христианства на Руси. М.: Гнозис, Школа
 «Языки русской культуры». 875 с.
- Фрей Анри, 2006. Грамматика ошибок. М.: Ком-
 Книга. 304 с.
- Ягичъ И. В., 1896. Рассужденія южнославянской
 и русской старины о церковно-славянскомъ
 языкѣ // Исслѣдованія по русскому языку.

СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885–1895. С. 287–1070.

REFERENCES

- Babaeva E.E., 2000. *Fedor Polikarpov. Technology. The art of grammar*. Saint Petersburg, Inapress. 374 p. (in Russian).
- Verner I.V., 2013. Homonymy of cases as a didactic and heuristic principle in Church Slavonic grammar of the 15th–17th centuries. *Lingvisticheskaya epistemologiya: istoriya i sovremennost. 15th Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Minsk, 20-27 August 2013)*. Minsk, PrintLayn Publ., pp. 129-152. (in Russian).
- Gasparov B.M., 1996. *Language, memory, image. Linguistics of language existence*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. 352 p. (in Russian).
- Gasparov B.M., 2003. Observations on the use of the perfect tense in old Church Slavonic texts (on the nature of the grammatical meaning). *Russian Language and Linguistic Theory*, no. 1 (5), pp. 215-242. (in Russian).
- Zapolskaya N.N., 2007. Reflection on proper names in time and space of culture. Nikolaeva T.M., ed. *Imya: semanticheskaya aura*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 133-150. (in Russian).
- Zapolskaya N.N., 2008. Grammar and subgrammar of Slavic literary languages (16th–18th centuries): theory and history of standards. *XIV Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Okhrid, 10-16 September 2008)*. *Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady rossiyskoy delegatsii*. Moscow, Indrik Publ., pp. 199-224. (in Russian).
- Zapolskaya N.N., 2013. Church Slavonic language in the Christian episteme. *Lingvisticheskaya epistemologiya: istoriya i sovremennost. 15th Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Minsk, 20-27 August 2013)*. Minsk, PrintLayn, pp. 5-30. (in Russian).
- Kuzminova E.A., 2007. *Grammar of 1648*. Moscow, MAKS Press. 624 p. (in Russian).
- Toporov V.N., 1995. *Holiness and Saints in the Russian spiritual culture. In 2 vols. Vol. 1. The first century of Christianity in Rus*. Moscow, Gnozis Publ.; Yazyki russkoy kultury Publ. 875 p. (in Russian).
- Frey Anri, 2006. *Grammar of errors*. Moscow, KomKniga. 304 p. (in Russian).
- Yagich I.V., 1896. The old-years South Slavic and Russian ideas about the Church Slavonic language. I. V. Yagich. *Issledovaniya po russkomu yazyku*. Saint Petersburg, Tipografiya imperatorskoy akademii nauk, 1885-1895, pp. 287-1070. (in Russian).

Information about the Author

Natalya N. Zapolskaya, Doctor of Sciences (Philology), Head of Department of Slavic Languages and Cultures, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, bild. 51, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, zapolskaya_n@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3114-3461>

Информация об авторе

Наталья Николаевна Запольская, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой славянских языков и культур, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, строение 51, 119991 Москва, ГСП-1, Россия, zapolskaya_n@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3114-3461>